

Миссия полковника Э. Ариона и Сан-Стефанский мирный договор 19 февраля (3 марта) 1878 г.

Фролова Марина Михайловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marinafrolova59@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Цитирование

Фролова М. М. Миссия полковника Э. Ариона и Сан-Стефанский мирный договор 19 февраля (3 марта) 1878 г. // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 68–97. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.03

Статья поступила в редакцию 05.05.2025.

Рецензирование завершено 02.09.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье на основе архивных и опубликованных источников сообщается о миссии румынского полковника Э. Ариона, посланного князем Карлом в Главную квартиру главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича (Старшего), и рассматриваются причины недопущения румынского представителя к переговорам о заключении перемирия с Турцией. Подробно освещены переговоры генерал-адъютанта графа Н. П. Игнатьева в Бухаресте с князем Карлом, премьер-министром И. Брэтиану и министром иностранных дел М. Когэлничану 19–22 января 1878 г., а также с турецкими уполномоченными в Сан-Стефано в феврале 1878 г. по статьям мирного договора, касавшимся судьбы Румынии. Игнатьев был вынужден откорректировать текст мирного договора, одобренного в Петербурге, в сторону увеличения территории, обмениваемой на три южнобессарабских уезда. Благодаря переговорам с графом Игнатьевым румынское правительство узнало планируемые Россией статьи будущего мирного договора, поэтому и отозвало своего представителя из Адрианополя. Но акция с посылкой полковника Ариона в Главную квартиру Дунайской армии позволяла Бухаресту заявлять о своих погранных правах

и несправедливости со стороны России по отношению к союзнику по оружию, чтобы в дальнейшем иметь дополнительный аргумент и использовать данный факт в своих интересах.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Александр II, князь Карл, А. М. Горчаков, И. Брэтиану, М. Когэлничану, А. И. Нелидов, Н. П. Игнатъев, Э. Арион.

12 апреля¹ 1877 г. Россия объявила войну Османской империи. Согласно плану русского командования, одобренному Александром II, армии предстояло форсировать Дунай у румынского города Зимница и достичь Константинополя, чтобы заставить турецкое правительство заключить мир. Проход русской армии через территорию Румынии, вассального Турции княжества, определялся подписанной 4 (16) апреля 1877 г. русско-румынской конвенцией. Два неудачных сражения под Плевной (совр. Плевен) заставили Дунайскую армию перейти от наступления к обороне. В ожидании подхода на Балканы гвардейского и гренадерского корпусов русское командование обратилось к румынскому князю Карлу с предложением принять участие в военных действиях против турок.

Назначение князя Карла командующим союзной группировкой войск под Плевной (Западным отрядом, впоследствии преобразованным в Отряд обложения), а также участие румынской армии в сражении под Плевной (у Гривицких редутов) 30 августа 1877 г., в блокаде этого города и разгроме турецкого войска Осман-паши привели князя к мысли о необходимости непосредственного участия наравне с Россией как ее союзника и в переговорном процессе с турками по заключению мирного договора, чтобы обеспечить исполнение всех своих требований как победителя. Изучение архивных и опубликованных источников показывает, что в отечественной и зарубежной историографии недостаточно освещены миссия румынского полковника Э. Ариона²,

¹ Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

² Эракль (Эракле, Эраклие) Арион (1838–1903) окончил офицерскую школу в 1857 г., учился в Политехнической школе в Париже и Артиллерийско-инженерной школе в Меце (1857–1861 гг.), участвовал в русско-турецкой войне в звании полковника (с 1875 г.); с 1883 по 1892 г. в звании бригадного генерала – генерал-инспектор артиллерии, военный губернатор Бухареста (1895–1903 гг.), дивизионный генерал (1902 г.).

переговоры бывшего русского посла в Константинополе генерал-адъютанта графа Н. П. Игнатьева в Бухаресте и в Сан-Стефано по статьям мирного договора, касавшимся судьбы Румынии, не прослежена и взаимосвязь этих событий. Данные сюжеты будут рассмотрены в настоящей статье.

На последнем военном совете, который состоялся 30 ноября в болгарском селении Порадим (совр. Пордим), Александр II заверил князя Карла в том, что не забудет важность и масштабность тех жертв, которые принесла Румыния и которые он ценит. Румынский монарх выразил надежду, что его страна будет призвана принять участие в мирных переговорах. Но царь уклонился от прямых высказываний по этому поводу и обещал подумать о государственно-правовом обеспечении интересов Румынии, что, несомненно, будет признано Европой. Однако у князя создалось впечатление, что «в данном ему ответе нет никаких твердых обещаний, кроме уклончивой доброжелательности»³. Хотя румынское правительство провозгласило Княжество суверенным государством 9 мая 1877 г., Александр II придерживался мнения, что данный вопрос может быть урегулирован только общим соглашением западноевропейских держав, о чем министр иностранных дел России канцлер князь А. М. Горчаков уведомлял чрезвычайного и полномочного посла в Великобритании П. А. Шувалова в письме от 18 мая 1877 г.⁴

Князь Карл телеграфировал главнокомандующему Дунайской армии великому князю Николаю Николаевичу (Старшему) и просил, чтобы Румыния приняла участие в переговорах о перемирии и условиях мира. Не дожидаясь ответа⁵, румынский монарх направил полковника Э. Ариона в русскую Главную квартиру с инструкцией, в которой содержались требования Княжества: 1) оккупация дунайских крепостей румынскими войсками до заключения мира; 2) признание независимости Румынии; 3) разрушение турецких крепостей на Дунае; 4) передача Румынии всех устьев Дуная; 5) военная контрибуция в размере 100 000 000 франков и оккупация Никополя, Рахова, Лом-Паланки и Видина до полной выплаты. «В случае если румынский полномочный представитель не примет участия в переговорах,

3 Цит. по: *Damé F. Histoire de la Roumanie contemporaine depuis l'avènement des princes indigènes jusqu'à nos jours (1822–1900)*. Paris, 1900. P. 294.

4 Освобождение Болгарии от турецкого ига / под ред. С. А. Никитина [и др.]. Т. 2. М., 1964. С. 91.

5 *Damé F. Histoire de la Roumanie...* P. 292.

то ему было поручено протестовать против каждого пункта договора, касающегося Румынии, который был согласован в его отсутствие, и объявить его недействительным»⁶.

Полковник Э. Арион прибыл в Казанлык вечером 8 января 1878 г., а утром следующего дня явился к главнокомандующему с письмами князя Карла. «Прием был самым лестным для меня и армии, которую я представлял»⁷, – докладывал полковник в Бухарест 10 (22) января. Затем он встретился с начальником дипломатической канцелярии А. И. Нелидовым и заявил, что его миссия состояла в том, чтобы принять участие в обсуждении условий мира, и что он «намерен представлять и защищать права страны, вытекающие из результатов борьбы, в которой мы принимали такое активное участие». Нелидов ответил, что великий князь не намерен заниматься обсуждением деталей мирного договора, что даже в этих предварительных условиях (речь шла о перемирии с Турцией) Румыния не будет забыта, что вопросы основ мирного договора должны были быть урегулированы еще ранее либо непосредственно в Бухаресте между министром иностранных дел канцлером А. М. Горчаковым, генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым и румынскими министрами, либо в Петербурге, что, наконец, уже сейчас великий князь написал князю Карлу в том же смысле⁸ и что великий князь не желал, чтобы какая-либо другая сторона вмешивалась в переговоры по предварительным условиям мира, что это дело только двух сторон, Турции и России⁹. Разговор был прерван, поскольку Нелидова срочно вызвали на секретное совещание, в котором принимали участие главнокомандующий, начальник штаба генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий и уполномоченные Порты министр иностранных

6 *Reminiscences of the King of Roumania*, edited from the original with an introduction by Sidney Whitman. New York and London, 1899. P. 302.

7 Профессор Аризонского университета Фр. Келлог также обратил внимание на то, что Ариона в Главной квартире приняли «с большой помпой» (*Kellogg Fr. The road to Romanian Independence*. West Lafayette, 1995. P. 183).

8 Великий князь Николай Николаевич писал князю Карлу: «Я благодарю тебя за два твоих письма, доверенных полковнику Ариону; я предлагаю туркам только ключевые основы мира, которые были присланы мне из Петербурга и в которых не были забыты все румынские интересы. В случае если мы придем к заключению перемирия, я тотчас сообщу тебе о его положениях, а также о населенных пунктах, которые твои войска должны занять. Что касается деталей условий мира и будущих переговоров, обращайся в Петербург. Я их не знаю. Николай» (*Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles 1-er (1866–1880)*. Deuxième édition. Bucarest, 1938. P. 305).

9 *Correspondance...* P. 302–304.

дел Сервер-паша и высокопоставленный сановник Империи министр двора султана Намык-паша. Турецкие представители со свитой прибыли в Казанлык 7 января и на следующий день «с полным почетом»¹⁰ были приняты великим князем. Однако турки сочли предложенные условия мира неприемлемыми для своей страны: «Мы имеем весьма широкие полномочия, но то, что вы требуете, — почти уничтожение Турецкой империи»¹¹. Война продолжилась.

Полковник Арион уже знал о результатах переговоров с турецкими представителями, когда 10 января вновь встретился с Нелидовым. Русский дипломат заявил, что не может быть и речи о румынском представителе на переговорах по мирному договору, условия которого были присланы из Петербурга. Он был очень удивлен претензией Ариона, так как считал, что вопрос уже решен на военном совете в Порадимае, что, наконец, румынскому правительству необходимо обратиться в Петербург, откуда присланы условия мира. При этом он сослался на прецедент 1871 г., когда Пруссия заключила мирный договор с Францией от имени своих союзников¹². Нелидов заверил Ариона, что интересы Румынии находятся в надежных руках и что из бесчисленных предыдущих бесед достаточно хорошо известно, каковы их требования. Румынский полковник заявил ему, что, «как бы ни заботилось российское правительство о наших интересах, и я выразил ему свою благодарность за это, мы не хотим, чтобы нас кто-то буксировал, и мы вполне способны ориентироваться самостоятельно». Русский дипломат повторил, чтобы Арион писал в Бухарест и чтобы оттуда обратились в Петербург, «потому что здесь ничего нельзя сделать»¹³. Главнокомандующий, в свою очередь, также указывал Ариону, что «основания нашего перемирия выработаны в Петербурге» и переданы ему по приказанию императора¹⁴.

9 (21) января 1878 г. министр иностранных дел Румынии М. Когэлничану предписал румынскому дипломатическому агенту

10 Нелидов А. И. К двадцатипятилетию освобождения Болгарии. Заключение перемирия в Адрианополе 19 января 1878 г. // Исторический вестник. 1903. Т. 91. № 1. С. 73.

11 Газенкампф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 346.

12 В состав коалиции германских государств во главе с Пруссией входили Северо-Германский союз 1867–1870 гг.; Южная Германия (Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт).

13 Correspondance... P. 305.

14 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 322. Оп. 181/1. Д. 1. Л. 371 и об.

в Петербурге генералу князю И. Г. Гике декларировать право Румынии участвовать в переговорах, так же как она участвовала в боевых действиях¹⁵. 12 (24) января Когэлничану потребовал от Ариона немедленного отчета о результатах его действий. И далее он подчеркивал, что из послания главнокомандующего князю Карлу следует, что «как в отношении перемирия, так и в отношении основ мира нам хотят представить только свершившиеся факты. Мне хотелось бы верить, что это не входит в намерения великого князя и что фраза в соответствующей депеше была воспроизведена неправильно»¹⁶.

14 (26) января генерал Гика телеграммой предупредил Бухарест, что полковника Ариона не допустят к переговорам. Император и канцлер Горчаков откровенно заявили Гике о невозможности участия Румынии в переговорах на равных по той причине, что «ее независимость не подтверждена Европой и что лишь после того, как новое положение Румынии будет признано европейским концертом, она сможет принять участие в международных актах, требующих внешнего суверенитета, а пока на долю России выпадает задача защиты интересов румын и признание их конгрессом, на который Княжество может послать консультативную делегацию»¹⁷. Российский историк В. Н. Виноградов подчеркивал, что аргументация царя и канцлера вполне соответствовала положению международного права той эпохи¹⁸. Надо отметить, что и представители Сербии и Черногории не принимали участия в переговорах.

19 января 1878 г. в Адрианополе было заключено перемирие. 20 января полковник Арион докладывал в Бухарест о том, что переговоры и подписание условий прошли без его участия, что после праздничного приема у главнокомандующего Нелидов сообщил условия перемирия и что размер компенсаций будет обсуждаться на последующих переговорах, которые будет вести граф Н. П. Игнатьев. Его ожидали в Адрианополе со дня на день. Арион подчеркивал, что необходимо назначить вместо него другого дипломата, поскольку у него было очень мало возможностей для такой работы, он мог бы оказаться

15 Correspondance... P. 302.

16 Ibid. P. 307.

17 Документы // Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. С. 151.

18 Виноградов В. Н. Утрата и возвращение Южной Бессарабии // Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. С. 127.

только на втором месте. «Этот преемник должен быть человеком личной значимости и связей», – указывал он¹⁹.

В телеграмме от 23 января (4 февраля) 1878 г. на имя главнокомандующего после поздравлений с заключением Адрианопольского перемирия с турками 19 января 1878 г. князь Карл подчеркнул, что недопущение румынского уполномоченного к участию в заключении перемирия ставило его правительство в весьма затруднительное положение перед страной. «Принимая в соображение это незаслуженное устранение, я прикажу приготовиться к занятию Видина и Белоградчика и удержу эти крепости и прочие города дунайского побережья в виде залога, впредь до уплаты военных издержек и вознаграждения, которое Турция должна уплатить Румынии»²⁰.

Полковник Генерального штаба М. А. Газенкампф прокомментировал телеграмму князя Карла: «Турки смотрят на румын (и совершенно правильно) как на возмутившихся вассалов, а румыны возомнили себя равноправною нам воюющей державой. Не только желают наравне с нами участвовать в мирных переговорах, но еще убеждены в своем праве требовать от Турции уплаты денежных издержек на свое восстание против ее верховной власти. Какое самонимение! Они даже забыли, что независимость Румынии еще должна быть оформлена мирным договором и признана всеми державами. Сомнения нет, что турецкие уполномоченные наотрез отказались бы вести мирные переговоры с румынами»²¹. Современные российские историки вполне разделили суждения Газенкампфа. Анализируя ситуацию, В. Н. Виноградов писал, что «психологически Высокой Порте было легче сдать свои позиции, в том числе по ключевому вопросу о признании независимости Румынии, не сталкиваясь лоб в лоб с этим персонажем, вооруженным требованиями, которые она считала для себя оскорбительными»²². В. Я. Гросул, принимая во внимание отношение Турции к Румынии, подчеркивал и другое весьма серьезное обстоятельство, что именно Турция «категорически была против того, чтобы на равных вести переговоры со своим вассалом. Независимость Румынии, провозглашенную годом раньше, она не признавала, не рассматривала она Румынию

19 Correspondance... P. 310.

20 Газенкампф М. А. Мой дневник... С. 416.

21 Там же. С. 417.

22 Виноградов В. Н. Румыния в войне за независимость // История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2012. С. 294.

и как воюющую сторону». Поэтому и Осман-паша отказался сдаваться румынам и сдался только русским²³.

Следует сказать, что многие румынские историки, не объясняя причин отказа русской стороны от допущения полковника Ариона к участию в переговорах с турками, какие, например, были официально представлены Александром II и его министром иностранных дел генералу Гике, лишь указывают, что данный факт глубоко разочаровал князя Карла, вызвал большое недовольство общественного мнения и обеспокоенность Бухареста. Они также обвиняют Россию в том, что она полностью игнорировала интересы союзных государств и постаралась приспособить их к своим собственным планам²⁴.

Впрочем, румынский историк Н. Йорга взглянул на ситуацию с другого ракурса. Он констатировал, что ни Брэтиану, ни Когэлничану, зная «о проигранной партии», не отправились сами отстаивать права Румынии, их защита была поручена полковнику, который вскоре очень пожалел, что взялся за это дело, не имея никакой профессиональной подготовки²⁵. На наш взгляд, князь Карл и его министры, будучи заранее поставлены в известность Александром II, прекрасно понимали, что румынского представителя не допустят до переговоров. В Главную квартиру великого князя поэтому был послан не влиятельный чиновник, а неизвестный полковник, и ожидаемый отказ не должен был отразиться на его репутации и достоинстве. С другой стороны, статус румынского уполномоченного явно не соответствовал уровню дипломатических переговоров: Порта прислала именитых сановников – министра иностранных дел Сервер-пашу и министра двора султана Намык-пашу, Россия была представлена главнокомандующим Дунайской армией великим князем Николаем Николаевичем, начальником штаба генералом от инфантерии генерал-адъютантом А. А. Непокойчицким и высокопоставленным чиновником МИД Российской империи, начальником дипломатической канцелярии главнокомандующего действительным статским советником А. И. Нелидовым. Переговоры

23 Гросул В. Я. Бессарабия в международных отношениях Нового времени. Кишинев, 2018. С. 401.

24 Румыния в войне за независимость, 1877–1878. Бухарест, 1983. С. 324; Scafeș C. I., Șerbănescu H. Vl., Andonie C. M., Scafeș I. I. Armata română în războiul de independență 1877–1878. București, 2002. P. 131; Damean S. L. România și Congresul de Pace de la Berlin (1878). București, 2005. P. 49–50.

25 Iorga N. Introduction. Politique extérieure du roi Charles I-er, d'après les sources étrangères // Correspondance... P. XXXVIII.

о мире с полковником румынской армии являлись диссонансом и явным оскорблением для турок.

14 (26) января генерал Гика сообщил телеграммой в Бухарест еще об одном чрезвычайно важном предмете беседы с Александром II и Горчаковым: «Император и канцлер формально известили меня о своем намерении вернуть часть Бессарабии до Килии²⁶. Как возмещение Румыния получит дельту Дуная и Добруджу до Кюстенджи. В качестве аргумента указывалось, что эта территория была уступлена Молдавии, а не Румынии, что она была оторвана от России по договору (Парижскому 1856 г. – М. Ф.), от которого уже ничего не осталось, что несправедливо было бы одной лишь России уважать его к ущербу для себя. Это требование является для нее вопросом чести и национального достоинства»²⁷. Гика попытался возражать, доказывая, что Бессарабия была частью румынского государства, его владением *ab antiquo* (исстари), но тщетно²⁸.

Из Петербурга в Адрианополь через Бухарест спешил генерал-адъютант граф Н. П. Игнатъев²⁹ с полномочием совместно с А. И. Нелидовым заключить мирный договор с турками. В письме от 11 января (которое вез Игнатъев) Александр II, информируя Карла о миссии графа, выражал твердую надежду на личную поддержку князя³⁰. В столице Румынии Игнатъев сделал кратковременную остановку (19–22 января), во время которой дважды встречался с князем Карлом и имел несколько бесед с министрами Когэлничану и Брэтиану. В своих записках Игнатъев не только подробно рассказал о переговорах с румынским монархом и его министрами, но и привел инструкцию канцлера Горчакова, тексты своих телеграмм в Петербург, а также подробный доклад Горчакову, отправленный из Адрианополя 3 (15) февраля 1878 г. Важно,

26 Согласно статьям XX и XXI Парижского мирного договора 1856 г. три южных уезда Бессарабии (Измаильский, Кагульский и Болградский) отторгались от России и присоединялись к «Княжеству Молдавскому под верховной властью Блистательной Порты» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 29). И одна из основных целей русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заключалась в возвращении утраченной территории, что было зафиксировано уже в Рейхштадском соглашении 26 июня 1876 г.

27 Документы. С. 149.

28 Correspondance... P. 312–313.

29 В письме от 30 декабря 1877 г. (11 января 1878 г.) Горчаков извещал Когэлничану о приезде в Бухарест генерал-адъютанта Игнатъева, который должен был изложить взгляды императорского кабинета, чтобы в отношении вопросов будущего мира не существовало ни малейшего недопонимания (Документы. С. 150).

30 АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 101. Л. 7 и об.

что оригиналы этих документов, нередко с пометами Александра II, сохранились в Архиве внешней политики Российской империи (Ф. 133. Оп. 470. Д. 67). К сожалению, в историографии сведения Игнатьева о его дискуссиях и о предложениях румынской стороны даны достаточно кратко, неполно и подчас весьма избирательно. Поэтому необходимо более подробно осветить переговоры Игнатьева в Бухаресте.

Прибыв в Бухарест, генерал-адъютант сразу стал собирать сведения о положении дел в Румынии, причем не только от русского генерального консула барона Д. Ф. Стюарта, но и от других официальных представителей России, например, генерал-лейтенанта А. Р. Дрентельна, начальника военных сообщений действующей армии и командующего войсками, в тылу армии находящимися, а также лиц, лично знакомых графу по Константинополю. Из полученной информации, свидетельствовавшей о напряженности во взаимоотношениях между русскими тыловыми службами и румынами, Игнатьев заключил, что худшей и менее благоприятной минуты для переговоров с румынским правительством, в особенности об уступке Бессарабии, нельзя было и избрать.

Премьер-министр Брэтиану и министр иностранных дел Когэлничану посетили Игнатьева, не дожидаясь его визита, и тотчас же сами заговорили о невозможности отдать Бессарабию, поскольку, заявляли они, общественное мнение никогда не свыкнется с мыслью, что в награду за пролитие крови под стенами Плевны и союз с Россией Румыния вместо ожидаемого территориального увеличения должна лишиться частицы родной земли. По словам Игнатьева, министры при этом «притворились пораженными неожиданным якобы для них» этим требованием. Они ссылались на конституцию, которая будет нарушена, а князь Карл рискует быть изгнанным из страны, возникнут беспорядки, воцарится анархия, а их лично отдадут под суд и обвинят, вероятно, в государственной измене.

Со своей стороны, граф напомнил Брэтиану разговор в Ливадии осенью 1876 г. о неизбежности возвращения России отторгнутой в 1856 г. части ее прежних владений, о признании тогда самим румынским министром этой неизбежности и необходимости соединиться с Россией тесными узами для обеспечения будущности румын³¹.

31 В Ливадии Александр II лично беседовал с Брэтиану и сообщил ему о «своем священном долге по отношению к своему отцу вернуть России Николая I то, что она потеряла по Парижскому договору» (*Jelavich B. Russia and the Reacquisition of Southern Bessarabia, 1875–1878 // Südost Forschungen. München, 1969. Band 28. S. 208–209*). Брэтиану в разговоре со Стюартом признавал, что поездка в Ливадию совершенно убедила его в том, что «Бессарабия впредь

Игнатъев выразил поэтому удивление, что у Брэтиану произошла такая значительная перемена в воззрениях. Он также указал на то, что всякий раз, когда имел случай беседовать с министрами, упоминал о неоспоримых правах России на эту часть Бессарабии. На это они отвечали, что всегда предполагали, что это было личное мнение Игнатъева, так как Александр II ни разу не заговорил о том с князем Карлом, а канцлер Горчаков в продолжение всего пребывания в Бухаресте в 1877 г. не затронул данного вопроса в беседах с министрами. Безуспешно истощив все доводы (политические, исторические и этнографические, доказывающие основательность требований России), Игнатъев твердо и категорично заявил о бесповоротном решении своего императора возвратить Южную Бессарабию³². Граф дал понять министрам, что «если они станут сопротивляться, то найдутся другие министры, которые, взглянув на этот вопрос с высшей точки зрения, как подобает истинным государственным людям, сумеют уладить это дело»³³. А относительно общественного мнения Игнатъев заметил, что они имели достаточно времени и обладали подобающим влиянием, опытною и ловкостю в общественных делах, чтобы надлежащим

потеряна для Румынии и что Россия не упустит случая при первой же возможности вернуть себе этот маленький участок земли, столь ей необходимый». Затем он заверил русского дипломата, что «все сколько-нибудь здравомыслящие румыны хорошо понимают неминуемую необходимость ликвидации аномалий, созданных Парижским миром, но им трудно примириться с безвозмездной утратой территории, которую они считали принадлежащей им по праву». В депеше от 2 (14) марта 1877 г. Стюарт счел своим долгом сообщить князю Горчакову о содержании вышеприведенной беседы с премьер-министром, доказывавшей, что «правительство Румынии, будучи подготовлено к идее отказа от Бессарабии, втайне вынашивает надежду получить от великодушия России компенсацию в случае, если будет вынуждено расстаться с частью своей территории в пользу своего могущественного соседа» (Документы. С. 146–147).

32 Авторы труда «Румыния в войне за независимость...» классифицировали такую позицию Игнатъева как «ультимативный тон» или «ультимативные требования», чего, согласно инструкции Горчакова, граф должен был избегать. В упомянутом труде подчеркивалось, что в утверждениях Игнатъева о том, что Румыния обязана своим существованием России, игнорируется тысячелетняя борьба румынского народа, которая «была и продолжала оставаться решающим фактором в определении своей собственной судьбы». Надо сказать, что авторы правы в одном: Игнатъев действительно ничего не знал о тысячелетней борьбе румынского народа (Румыния в войне... С. 325–326).

33 *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано: Записки гр. Н. П. Игнатъева / с примеч. А. А. Башмакова и К. А. Губастова; [предисл.: А. Башмаков]. Пг., 1916. С. 53.

образом его подготовить и постараться объяснить стране³⁴, что «они сумели извлечь наибольшую пользу из опасного положения, заключив с Россией [...] выгодный для Румынии земельный обмен»³⁵. Чтобы унять заносчивость Когэлничану, Игнатъев упомянул о том, что ему хорошо известны денежные сделки министра, человека корыстолюбивого, и с предпринимателем-миллионером С. С. Поляковым, построившим Бендеро-Галацкую железную дорогу, и с разными поставщиками русской армии и т. д.

Брэтиану предвидел полное разочарование румынского населения к России, взаимоотношения с которой представлялись ему в самом мрачном виде. Когэлничану же принялся торговаться с русским дипломатом по поводу Добруджи в качестве вознаграждения Румынии, стремясь расширить ее территорию и заполучить Мангалию на побережье Черного моря и Силистрию на Дунае, а также присоединить Видин с окружающей местностью. Игнатъев категорически заявил, что Видин будет отдан болгарам. На следующий день Когэлничану отказался от притязаний на этот город с окрестностями.

34 22 ноября 1877 г., будучи проездом в Бухаресте при возвращении после болезни к Плевне, генерал-адъютант Игнатъев встречался с премьер-министром И. Брэтиану и министром иностранных дел М. Когэлничану и дал им понять, что бессарабский вопрос – решенный. Игнатъев посоветовал Брэтиану, умному и ловкому политику, подготовить почву и общественное мнение своей страны, заблаговременно запастись, с одной стороны, донесениями своих префектов о бесплодности, малопродуктивности и бесполезности для Румынии этого участка Бессарабии, «а равно и об отчуждении от бухарестского правительства населения, сочувствие которого к России пробудилось с новою силою со времени вступления наших войск в этот край и постройки Бендеро-Галацкой железной дороги. С другой стороны, припасти статистические сведения о Добрудже, посредством которых весьма легко доказать, что одни доходы Сулина и Кюстенджи, а равно железных дорог превышают все источники богатств возвращающейся к нам местности. С приобретением Дунайских гирл и двух даровых портов черноморских значение – политическое и финансовое – Румынии возвысится в Европе и т. д.» (*Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма к Е. Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий*. М., 1999. С. 276–277). Генеральный консул Австро-Венгрии в Бухаресте Ю. Цвидинек, знавший об этом заявлении Игнатъева, указывал, что тогда же Игнатъев говорил румынским министрам о плебисците, который облегчил бы княжескому правительству эту уступку и тем самым избавил бы его от ответственности (*Documente privind istoria românilor: colecția Eudoxiu Hurmuzaki: seria a 3-a. Vol. VII. Rapoarte consulare și diplomatice austro-ungare din România (1877–1881) / coordonatori: V. Spinei, I. Cădea. București; Brăila, 2022. P. 229*).

35 *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано. С. 53.

Министры объявили Игнатьеву требования румынской стороны, т. е. что они желали получить в результате войны. Игнатьев заверил, что постарается принять их во внимание при переговорах с турецкими уполномоченными. Что касается первого пункта румынских требований, т. е. занятия ее армией турецких крепостей Никополя, Рахова, Лом-Паланки, Видина и всего дунайского побережья между этими пунктами, Игнатьев подчеркнул, что этот вопрос подлежит всецело решению главнокомандующего великого князя Николая Николаевича по его военным соображениям.

Румынские министры и князь Карл высказали пожелание, чтобы денежное вознаграждение Румынии, которое они желали получить от Турции, было включено в общую сумму военной контрибуции, которую Россия потребует от Порты, и чтобы оно выплачивалось Княжеству не Портой, а Россией, т. е. чтобы Россия гарантировала Румынии турецкий платеж и чтобы Румыния «не впутывалась в денежный риск с плохим плательщиком». Игнатьев им объяснил, что данное пожелание не может быть осуществлено, потому что Порта не имеет денег и, вероятно, решит заменить выплату денежных сумм земельными уступками или финансовыми долгосрочными обязательствами³⁶.

На аудиенции, данной Игнатьеву 19 января, князь Карл по прочтении письма Александра II заявил о неожиданности для него требования возврата Южной Бессарабии и о том, что он надеялся переходом румынских войск через Дунай в союзе с русскими и «совместным пролитием крови под Плевной» оградить себя и Румынию от подобного требования. И далее он повторил доводы своих министров, очевидно, как полагал Игнатьев, ими подсказанные. Затем князь предложил, чтобы император подарил этот участок румынскому народу в награду за содействие, оказанное русским войскам, или же допустил общий пересмотр и исправление всей русско-румынской границы с включением в Румынию некоторых пограничных участков на левом берегу верхнего Прута, где проживали молдаване. Игнатьев заявил Карлу, что «не имеет права об этом трактовать без особого уполномочия, а что лично не может допустить мысли о какой-либо уступке клочка русской территории кому бы то ни было»³⁷. Князь Карл постоянно возвращался к теме унижения, которому он подвергнется, поэтому Игнатьев не мог не заметить, что в сделке, предлагаемой Александром II, «нет никакого ровно унижения, а лишь земельный обмен»,

36 Там же. С. 61.

37 Там же. С. 43, 57.

причем очень выгодный: Добруджа с Дунайской дельтой была вдвое больше, чем Измаильский уезд, и сверх того обладала портом, которого Румыния была лишена.

По некоторым выражениям и намекам князя графу Игнатьеву показалось, что румынский монарх желал быть избранным и в Болгарии, когда она будет преобразована в самостоятельное княжество. Брэггиану затем подтвердил данное предположение русского дипломата, который заметил, что румынский премьер-министр поощрял до некоторой степени эти мечтания. Игнатьев допускал, что либеральные министры, способствуя осуществлению затаенной мысли князя Карла, может быть, желали удалить его совсем из Румынии, опасаясь личного значения, приобретенного им участием в войне в качестве командующего союзными войсками под Плевной. Игнатьев не исключал и другой вариант – что министры стремились установить личную унию между Болгарией и Румынией, чтобы эксплуатировать первую в свою пользу. В ответ на намеки и на запросы о претенденте на болгарский престол граф ответил, что у императора еще нет кандидата для Болгарии, что выбор князя будет зависеть от свободного волеизъявления самих болгар и что если князь Карл желает обратить на себя внимание болгарского населения, то «надо жалеть для успеха его предположения о поведении румынских войск в Болгарии, возбудивших всеобщие жалобы на их вымогательство и даже на совершенные разбои»³⁸. Беседы во время частной аудиенции у княгини Елизаветы и обеда вместе с князем Карлом и его супругой вполне подтвердили предположение Игнатьева, что «оба они желали бы быть призванными болгарами на княжение в Софию»³⁹.

Разумеется, двух с половиной дней было слишком мало, чтобы разрешить все вопросы и урегулировать обстановку во взаимоотношениях между русскими и румынами. Отчитываясь перед канцлером Горчаковым о «продолжительных, трудных и неприятных» разговорах с румынскими министрами и князем Карлом, Игнатьев полагал, что необходимо откорректировать некоторые положения проекта мирного договора с турками, рассмотренного в Петербурге, например, увеличить размер территории Добруджи, обмениваемой на Южную Бессарабию. Встречи с румынами заставили Игнатьева предвидеть большие затруднения во взаимоотношениях с ними в будущем, и он предлагал принять некоторые меры, которые облегчат, по его мнению,

38 Там же. С. 59–60.

39 Там же. С. 64.

отход Южной Бессарабии к России. Когэлничану владел там именем и желал, чтобы русское правительство купило его у него, правда по очень завышенной цене. Игнатъев, сообщив об этом Горчакову, советовал воспользоваться этим обстоятельством, чтобы приобрести содействие румынского министра иностранных дел⁴⁰. Игнатъев, указывая на желание князя Карла быть избранным князем Болгарии, предложил: «Может быть полезным не разочаровывать совершенно и преждевременно князя Карла до окончания разрешения вопроса о Бессарабии». В тексте телеграммы от 21 января (2 февраля) 1878 г. это предложение очерчено карандашом и рядом стоит помета царя «oui» (да)⁴¹. Чтобы избежать будущих недоразумений, Игнатъев считал необходимым упомянуть в мирном договоре с турками о том, что Княжеству предоставляется право предъявить непосредственно свои требования на денежное вознаграждение за потери и убытки и что размеры этого вознаграждения будут определены по взаимному соглашению между Румынией и Портой. Россия же может принять участие в решении этого вопроса только в качестве посредника или третейского судьи, если спорящие не придут к соглашению⁴².

Игнатъев встречался также с лидерами оппозиции, партией консерваторов, убеждал их не противоречить в бессарабском вопросе и идти заодно с Россией, которая будет обязана их поддерживать впредь согласно «всегдашнему сочувствию к людям порядка в стране»⁴³. Впрочем, Игнатъев не питал особых иллюзий на этот счет и очень сожалел, что Горчаков не захотел отправить в Румынию особого посланника, снабженного достаточными полномочиями и способного уладить возникшие недоразумения, воздействовать на партии и на их образ действий, а также повлиять на общественное мнение в такую важную историческую минуту. После продолжительного пребывания в Бухаресте канцлера Горчакова генеральный консул барон Стюарт, при всех своих личных качествах, не мог уже занять то положение, на которое «следовало поставить русского политического представителя для противодействия сосредоточенным иностранным интригам, подстрекавшим шаткие и легкомысленные умы румынских политических деятелей против России»⁴⁴. Тогда канцлер заявил, что отправка особого лица в Буха-

40 Там же. С. 44, 54.

41 АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 67. Л. 96 об.

42 *Игнатъев Н.П.* Сан-Стефано. С. 61.

43 Там же. С. 62.

44 Там же. С. 66.

рест представляла много неудобств и влекла напрасную трату денег. Он настоял на том, чтобы Игнатъев ехал через Бухарест, утверждая при этом, что никаких затруднений в переговорах о Бессарабии с румынами не встретится и никакой задержки в пути не будет, что «приличие» требует, чтобы именно уполномоченный для мирных переговоров с Портой предварительно переговорил с князем Карлом⁴⁵. Хотя уже в своей инструкции Горчаков признавал: «Несмотря на свою незначительность, эта страна легко может стать орудием в руках наших противников в тот момент, когда будет действовать европейская дипломатия. Ее враждебность могла бы создать нам серьезные затруднения». Игнатъев, прочитав эту инструкцию, недоумевал, почему все эти «щекотливые» вопросы не были разъяснены и улажены с румынами во время полугодового пребывания в Бухаресте князя Горчакова⁴⁶ и барона Жомини, когда румыны еще нуждались в русских, но были поручены Игнатъеву, который не имел возможности посвятить им более двух-трех дней⁴⁷.

В целом Игнатъев полагал, что его демарш увенчался успехом. Однако барон Стюарт отметил некоторые признаки, которые заставляли усомниться в этом, а также в «искренности столь быстрой и стремительной перемены румынских министров и Карла». Так, князь воздержался от посещения генерала Игнатъева, хотя «его визит был объявлен в гостинице, в которой граф остановился, и об этом упоминалось в газетах». В день отъезда никто из членов правительства и даже префект полиции не явились на вокзал, чтобы пожелать Игнатъеву доброго пути, сообщал Стюарт Горчакову в депеше от 23 января⁴⁸.

45 Там же. С. 30.

46 Князь Горчаков, прибыв 25 мая 1877 г. в Румынию вместе с Александром II, не последовал за ним на Балканский театр военных действий за Дунай из-за проблем со здоровьем, а поселился в Бухаресте, который покинул в начале декабря, отправившись вслед за императором в Петербург.

47 *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано. С. 8, 38.

48 Документы. С. 151–154. Российский историк В. М. Хевролина не располагала донесением барона Стюарта и поэтому считала, что Игнатъеву, выдержавшему жаркие баталии с румынскими министрами, удалось преодолеть их сопротивление, пригрозив, что могут быть найдены более покладистые министры (*Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 264; *Хевролина В. М.* Восточный кризис 70-х годов XIX века // История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 2018. С. 209). В. Я. Гросул также полагал, что Игнатъев договорился с румынскими правительственными деятелями о соответствующей компенсации (*Гросул В. Я.* Бессарабия... С. 399).

22 января князь Карл отправил в Петербург письмо, в котором весьма дипломатично указывал, что генерал Игнатьев вручил ему письмо императора, но что «вопросы, связанные с исправлением границ, всегда являются наиболее сложными, поскольку они тесно связаны с национальными особенностями и, следовательно, заслуживают особого внимания», что его долг состоит в том, чтобы не скрывать от Александра II «те трудности, с которыми столкнется в Румынии предложение о внесении определенных изменений», и он надеялся, что «императорское правительство найдет решение, которое не умалит достоинства Румынии и защитит ее интересы». В Петербурге нашли ответ румынского князя «очень разумным»⁴⁹.

Барон Стюарт телеграфировал канцлеру Горчакову и графу Игнатьеву о том, что в секретном заседании обеих палат 24 января (3 февраля) 1878 г. «сенатор Константин Градишка требовал отправления в Бессарабию войск (в тексте секретной телеграммы император карандашом подчеркнул и поставил «!!!»). – М. Ф.). Брэтиану доказывал невозможность сопротивления воле государя. Никакого решения не принято. Возбуждение большое. Надеются на сильное заступничество Австрии»⁵⁰. 26 января Палата депутатов после бурных дебатов постановила во что бы то ни стало сохранить территориальную целостность Румынии. Подобная же резолюция была принята Сенатом⁵¹. На секретном заседании Палаты депутатов была избрана комиссия «для составления протеста иностранным державам, объявляющая, что неприкосновенность территории Румынии гарантирована Парижским трактатом и конвенцией⁵² и что она не согласна ни на какое вознаграждение за Бессарабию и не уступит ее ни под каким видом», – сообщалось в телеграмме Стюарта. На этом документе стоит помета царя: «Если это состоится, надобно будет объявить румынскому правительству, что мы не будем более хлопотать об уступке ему Добруджи и Силистрии»⁵³.

49 АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 101. Л. 17–18.

50 Там же. Д. 15. Л. 131; *Игнатьев Н. П.* Сан-Стефано. С. 83–84.

51 Документы. С. 155.

52 Политическая часть русско-румынской конвенции от 4 (16) апреля 1877 г. действительно содержала положение о том, что Россия обязывалась поддерживать и защищать целостность территории Румынии. Такая формулировка была принята по настоятельному требованию румынской стороны из-за чрезвычайных обстоятельств ввиду планируемого Александром II объявления войны Турции для того, чтобы устранить затруднения при утверждении конвенции законодательными собраниями Румынии. Русским войскам был необходим свободный проход через Княжество к Дунаю.

53 Документы. С. 155.

Брэтиану говорил и действовал как партийный деятель, подчеркивал историк и современник событий Ф. Даме. Премьер-министр прибегнул к методу, который использовался им на протяжении всей его политической карьеры: взбудоражил общественное мнение, которое преданная ему пресса убедила в том, что Россия, подписав конвенцию 4 (16) апреля, торжественно обязалась не возвращать Бессарабию. Брэтиану заявлял, что румынское правительство не уступит ни клочка румынской земли, даже если бы это было против самого выгодного обмена⁵⁴. «Румынское министерство обратилось ко всем державам с протестующими заявлениями, а сам князь Карл просил заступничества у германского императора как главы Гогенцоллернского дома»⁵⁵. «Было ясно, что румынские руководители решили, с одной стороны, воздействовать, а с другой – использовать общественное мнение, чтобы оправдать себя и показать, что дело Южной Бессарабии им пришлось решать только под давлением более сильной России. С другой стороны, они хотели выговорить для себя как можно большую компенсацию», – писал В. Я. Гросул⁵⁶.

Начав переговоры с графом Игнатьевым, М. Когэлничану счел нужным информировать (20 января) о них полковника Ариона, находившегося в Адрианополе, и указал тому продолжать придерживаться прежней позиции до сообщения из Бухареста о результатах этих переговоров⁵⁷. Н. Йорга опубликовал еще две телеграммы Когэлничану Ариону от 30 и 31 января. В первой министр иностранных дел настоятельно советовал полковнику добиться встречи с Игнатьевым и напомнить ему о контрибуции, которую должна получить Румыния, и о том, что на мирных конференциях Румыния должна быть представлена в качестве воюющей стороны. Во второй телеграмме перед Арионом ставилась задача получить официальный текст статьи перемирия, касавшейся эвакуации Видина, и его телеграфировать Когэлничану. После чего полковнику предписывалось незамедлительно выезжать в Бухарест, чтобы дать разъяснения по различным вопросам⁵⁸.

По приезде графа Игнатьева в Адрианополь 27 января, полковник Арион, в отличие от представителей Черногории и Сербии, которые предоставляли России «устроить их судьбу», немедленно предъявил

54 *Damé F. Histoire de la Roumanie...* P. 301–302.

55 Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1913. Т. 9. Ч. 2. С. 220.

56 *Гросул В. Я. Бессарабия...* С. 398–399.

57 *Correspondance...* P. 311.

58 *Ibid.* P. 316, 318.

требования своей страны и попытался добиться права вести самостоятельные переговоры с турками о вознаграждении. «Убедившись в громадности и беззастенчивости румынских притязаний», граф сообщил полковнику, что «располагаем сделать для Княжества при заключении мира», и показал редакцию проектированной статьи о Румынии⁵⁹. Дипломат отметил, что статья «удовлетворяла тщеславному желанию Румынии выказать свою самостоятельность, и ее представитель выразил свое полное одобрение и удовольствие, пренебрегая, таким образом, существенными выгодами Княжества для мнимого внешнего блеска»⁶⁰.

2 февраля Арион телеграфировал в Бухарест о том, что Игнатъев сказал ему, что «компенсация в соответствии с предварительными условиями мира представляет собой окончательную сумму, которая должна быть урегулирована непосредственно между Турцией и нами; это является для нас неопровержимым доказательством того, что мы можем предъявить все наши требования именно на конференции»⁶¹. Полковник Арион, следуя предписанию Когэлничану, покинул Адрианополь. По свидетельству Игнатъева, румынский представитель демонстрировал, что он оскорблен отстранением от мирных переговоров с турками, почему и оставляет Главную квартиру⁶².

Не дожидаясь результатов переговоров России и Турции, 3 февраля министерство иностранных дел Румынии направило ноту в Константинополь. В ней, в частности, говорилось, что Румыния «лелеет желание вновь установить с Османской империей отношение прочной

59 Игнатъев Н. П. Сан-Стефано. С. 61–62.

60 Там же. С. 106–107.

61 Correspondance... P. 319.

62 Игнатъев Н. П. Сан-Стефано. С. 62. Когда в 1883 г. бригадный генерал Э. Арион был включен в список представителей короля Кароля I для участия в церемониях в связи с коронацией Александра III, русский посланник в Бухаресте Л. П. Урусов отнесся к этому назначению сдержанно, так как обладал информацией о том, что генерал вел себя некорректно в 1878 г., когда являлся румынским представителем в Главной квартире главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Урусов обратился к А. И. Нелидову, русскому послу в Стамбуле, который ответил, что Арион тогда действовал «с тактом», учитывая тогдашнюю напряженность в русско-румынских отношениях. Представители бухарестской элиты также отозвались о генерале положительно, считая его одним из самых образованных офицеров румынской армии (Чеобану А.-Б. Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II // Славяноведение. 2013. № 5. С. 62). Похоже, что в 1883 г. румынский монарх вознаграждал Ариона за его миссию в 1878 г., которая заранее считалась «провальной».

дружбы» и хочет, чтобы Высокая Порта первой «признала эффективную независимость румынского государства»⁶³. Игнатъев считал, что это требование к султану за подписью М. Когэлничану было вызвано как желанием Румынии «придать себе вид самостоятельной державы, ведущей переговоры с Турцией независимо от России», так и происками англичан и австрийцев, воспользовавшихся не устраненными вовремя недоразумениями во взаимоотношениях союзников и старавшихся «увеличить разлад, ими подмеченный, между Россией и отпрыском латинского племени на Дунае»⁶⁴.

В это же время в Адрианополе, а с 12 февраля в Сан-Стефано, куда переместился главнокомандующий, Игнатъев вместе с Нелидовым, не обращая внимания на обвинения румын, что русские уполномоченные якобы забыли о них, вели сложные переговоры с турецкими делегатами – министром иностранных дел Савфет-пашой и послом в Германии Садуллах-беем, – в первую очередь о значительной военной контрибуции, которую румыны «хотели сполна получить через наше посредство прежде выхода войск из крепостей: Видина, Рахова, Никополя и Лом-Паланки, где они были оставлены главнокомандующим при нашем наступлении за Балканы». «Турки стояли на том, что Румыния не войну объявила, а взбунтовалась против султана и потому не имеет никакого права требовать военного вознаграждения от своего верховного главы»⁶⁵. Праву Румынии на компенсацию ее убытков турки противопоставили право Порты требовать вознаграждение за захваченные Княжеством так называемые преклоненные монастырские имения⁶⁶.

63 Румыния в войне... С. 338–339.

64 Игнатъев Н. П. Сан-Стефано. С. 205–206.

65 Там же. С. 206.

66 В XVII–XVIII вв. господа Молдавии и Валахии, являвшиеся представителями знатных греческих семей Константинополя, фанариотов, а также члены знатных родов делали вклады в греческие монастыри Афона, Синая и Патмоса, Эпира и др. Для их материального обеспечения они передали в собственность («преклонили») обширные земельные угодья, которые составляли около ¼ территории Молдавии и Валахии. Со временем эти поместья (метохи) стали приносить восточным владельцам основные доходы. Преклоненные имения не облагались налогами. В первой половине XIX в. господа Молдавии и Валахии предпринимали неоднократные попытки конфисковать их имущество, но каждый раз неуспешно, поскольку Россия исходила из принципа покровительства православным учреждениям и потому защищала интересы греческих патриархов. После Парижского мира 1856 г. она утратила свой решающий голос на Балканах (право покровительства христианам Востока). Пользуясь противоречиями

Николай Павлович Игнатъев отмечал, что в Сан-Стефано этот вопрос вспомнил «не без лукавства» Савфет-паша, отлично знавший его «исторический ход» как министр иностранных дел Османской империи, чтобы, как полагал Игнатъев, «поставить русских уполномоченных в противоречие с их прежней политикой, с греческим духовенством и румынами»⁶⁷. Русским уполномоченным стоило немало труда, чтобы устранить включение в договор такой статьи. Но после его подписания турецкие уполномоченные прислали Игнатъеву официальную ноту, «содержащую оговорку для сохранения за православными общинами в Турции прав на преклоненные к Святым местам имущества. Эти права Порты намерена предъявить при рассмотрении притязаний румынского правительства к Турции»⁶⁸. В свою очередь, русские уполномоченные официально ответили нотой, которая предоставляла Порте вести переговоры непосредственно с Румынией по монастырскому

западноевропейских держав и явным покровительством Франции, 24 декабря 1863 г. князь А. И. Куза утвердил постановление румынской законодательной палаты о секуляризации земель преклоненных монастырей, которое стало законом. Конференция великих держав, созванная 27 апреля (9 мая) 1864 г., сформированная ею международная комиссия по поводу спорных монастырских имуществ оказались безрезультатными. Дореволюционный историк церкви Ф. А. Курганов считал, что всё дело свелось к тому, чтобы признать свершившийся факт как он есть: изменить его могла одна только внешняя сила, к которой ни одна из гарантирующих держав прибегать не могла и не желала (*Курганов Ф. А.* Наброски и очерки по истории Румынской церкви. Казань, 1899. С. 273).

В феврале 1869 г. Игнатъев представил записку, в которой русскому правительству предлагалось вновь возбудить вопрос о преклоненных монастырских имуществах и давались два варианта его урегулирования. Современный историк Л. А. Герд назвала эту записку русского посла «лебединой песней» в обсуждении вопроса (*Герд Л. А.* Секуляризация имений Восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х гг. и Россия // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви.* 2014. Вып. 6 (61). С. 30–31). В историографии указывается, что попытка его ренимировать была сделана на Берлинском конгрессе в 1878 г., но без особого успеха (*Курганов Ф. А.* Наброски... С. 274–277; *Герд Л. А.* Секуляризация... С. 31; *Ерундов Н. А.* Секуляризация монастырской собственности в Объединенном княжестве Валахии и Молдавии при князе Александре Кузе (1859–1866) // *Христианское чтение.* 2014. № 2–3. С. 81). Однако, как оказалось, на переговорах в Сан-Стефано в очередной раз был поднят этот вопрос, «щекотливый» для России, бывшей энергичной защитницей, как раз в лице Игнатъева (в то время русского посланника в Константинополе), прав греческих монастырей.

⁶⁷ *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано. С. 206.

⁶⁸ Там же. С. 265.

вопросу, «не входившему в программу переговоров». Русские дипломаты не высказывались «против вознаграждения греческого духовенства, чтобы его не раздражать, но напомнили лишь о всегдашнем мнении по этому вопросу русского правительства». Игнатъев подчеркивал, что «обмен нот по этому предмету между уполномоченными оставлял лишь за Россией право при случае впоследствии по соглашению с Портой изыскать миролюбивый и благоразумный способ окончательного разрешения спора между греческим духовенством и Румынией, выгодный для обеих сторон»⁶⁹.

В последнюю минуту оттоманские уполномоченные предложили дать Румынии статус нейтральной страны, как полагал Игнатъев, «вследствие иностранных внушений». Еще на переговорах в Бухаресте Николай Павлович обсуждал данную тему с румынскими министрами, которые желали заменить свое прежнее международное положение, т. е. европейские гарантии Румынии, обеспеченные Парижским договором 1856 г., признанием нейтралитета Румынии наподобие Бельгии. Игнатъев подчеркивал, что Восточный вопрос не был окончательно разрешен этой русско-турецкой войной и что России может потребоваться проход к Балканскому полуострову, а статус нейтральности закрывал этот доступ русским войскам. Русский дипломат предложил Брэтиану заключить оборонительный союз с Россией как «действительный способ ограждения Румынии в будущем от Австро-Венгрии и Турции». А поскольку премьер-министр согласился с этим мнением, то Игнатъев писал князю Горчакову о том, что необходимо заключить «подобную искреннюю конвенцию» с Румынией прежде заключения окончательного мира с Турцией⁷⁰, что, впрочем, не было сделано.

В Сан-Стефано Игнатъев и Нелидов сумели объяснить туркам, что Румыния, Сербия и Черногория имеют одинаковые позиции и, признавая за первой нейтралитет, необходимо распространить его и на другие княжества. Объявление княжества нейтральным не помещает ему, как воображала Порта, содержать войска и развивать свой военный потенциал «в видах оборонительных», примером чему являлась та же Бельгия. В принципе Порта стремилась покончить с коллективной гарантией держав, которой пользовались княжества по Парижскому договору, и рассчитывала, что, «оставшись с ними в обычных соседских отношениях, она будет в состоянии воспользоваться их

69 Там же. С. 207.

70 Там же. С. 27, 58.

взаимной завистью и даже свести с ними старые счета, не имея надобности добиваться, как прежде, предварительного соглашения с гарантирующими державами». Игнатъев был уверен, что Россия, если сочтет нужным, всегда будет иметь возможность выступить в защиту православных государств, созданных Сан-Стефанским договором. И эта мысль «должна быть в виду при окончательном установлении политического положения княжества»⁷¹.

Румыния так и не прислала другого представителя в Сан-Стефано, и после подписания договора 19 февраля (3 марта) 1878 г. граф Игнатъев в особой записке сообщил барону Стюарту о его условиях, касавшихся Княжества, чтобы дать барону «возможность предупредить появление в Бухаресте ложных сведений», о чем поставил в известность канцлера Горчакова в донесении от 25 февраля (9 марта)⁷². В объяснительной записке для МИД Игнатъев писал:

71 Там же. С. 275–276.

72 Освобождение Болгарии... С. 562. Современный румынский историк С. Л. Дамеан весьма неточно излагает некоторые факты в своем исследовании. Так, он указывает, что румынский делегат не был допущен к заключению русско-турецкого перемирия в Казанлыке (19/31 января 1878 г.). Перемирие, как известно, было подписано в Адрианополе. Дамеан пишет, что Сан-Стефанский мирный договор был заключен без участия румынского делегата и без знания им условий этого договора. Арион, как показывают документы, был отозван в Бухарест задолго до подписания Сан-Стефанского договора, но граф Игнатъев познакомил его с основными статьями будущего договора. Дамеан отмечает, что только 9 марта княжеское правительство узнало об условиях мира, и не из уведомления российской дипломатии, но через «*Journal de St.-Petersbourg*» (Журнал Санкт-Петербурга), официальный орган МИД Российской империи, присланный генералом Гикой из столицы России, что стало «неприятным сюрпризом» как для правящих кругов, так и для общественного мнения в стране (*Damean S. L. România...* Р. 54, 56–57). Необходимо принимать во внимание, что только 24 февраля и 4 марта султан и император соответственно ратифицировали Сан-Стефанский договор (граф Игнатъев, 26 февраля выехав на пароходе «Владимир», 2 марта доставил документ в Петербург), 5 марта состоялся размен ратификациями. 7 марта из Петербурга выехали курьеры, чтобы доставить договор российским послам при всех великих державах с приказанием его сообщить (*Газетенкампф М. А. Мой дневник...* С. 509). 9 (21) марта в газетах «Правительственный вестник» (№ 54. С. 1–3) (на русском языке) и в «*Journal de St.-Petersbourg*» (№ 64. С. 1–2) (на французском языке) был опубликован текст мирного договора. Утверждение Дамеана, что князь Карл и его министры не знали содержание статей, касавшихся Румынии, ранее данной публикации неверно, и это подтверждает донесение Игнатъева. Но широкой публике, без сомнения, этот документ не был известен.

«Предав забвению недружелюбное положение, принятое Румынией в бессарабском вопросе, и те справедливые и многочисленные упреки, которые мы имели основание им предъявить, мы вытребовали от Порты признание независимости княжества, преимущества в пользу румынских подданных в Турции⁷³, срытие всех дунайских крепостей и запрещение турецким военным судам появляться в водах Румынии (Статья XII). (Перед войной эти именно требования выставлялись румынами как выражение желаний их и как условия обеспечения безопасности Княжества на будущее время.) Вместе с тем мы обязали Порту непосредственно вести переговоры с Княжеством для заключения договора и для разрешения вопроса о военнопленных. Наконец, мы выговорили Румынии право требовать денежное вознаграждение, размер и условия которого должны быть определены соглашением между двумя сторонами. Это преимущество как раз соответствовало тому, что было требовано румынами в вознаграждение содействия, оказанного нам во время войны. Способы уплаты и размер контрибуции не могли быть установлены нами, раз что мы предоставили, согласно желанию Румынии, разрешение этого вопроса непосредственному соглашению между нею и Портой»⁷⁴.

Из-за неблагоприятного расположения Румынии к России, в чем Игнатьев воочию убедился во время своих переговоров в Бухаресте, русские уполномоченные признали нужным уклониться от инструкций Горчакова – прямо уступить Румынии взамен бессарабского участка низовья Дуная (Дельты) с некоторыми островами, городом и портом Сулина, но сочли необходимым присоединить к России в счет денежного вознаграждения российскому императору в 1410 млн рублей, следуемого от Блистательной Порты, не только эту местность, но и весь Тульчинский санджак, чтобы затем его обменять на Южную Бессарабию⁷⁵. Такое увеличение территории было введено, чтобы удовлетворить Румынию⁷⁶. В. Я. Гросул отмечал, что по Сан-

73 Статья V: «Блистательная Porta признает независимость Румынии, которая предъявит свои права на вознаграждение, имеющее быть определенным обеими сторонами. До заключения непосредственного договора между Турцией и Румынией румынские подданные будут пользоваться в Турции всеми правами, которые обеспечены за подданными других европейских держав» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 163).

74 *Игнатьев Н. П.* Сан-Стефано. С. 274–275.

75 Там же. С. 22, 276.

76 Согласно статье XIX Сан-Стефанского договора: «Принимая во внимание финансовые затруднения Турции и сообразуясь с желанием е. в. султана,

Стефанскому договору румынское правительство практически получало всё то, что требовали от Игнатьева в Бухаресте в январе 1878 г., и, тем не менее, оно громогласно выражало свое недовольство⁷⁷.

Таким образом, переговоры графа Н. П. Игнатьева в Бухаресте оказали немалое влияние на дальнейший ход событий. С одной стороны, Игнатьев был вынужден откорректировать текст мирного договора, одобренного в Петербурге, в сторону увеличения территории, обмениваемой на три южнобессарабских уезда. С другой стороны, румынские министры и князь Карл, выяснив, как намерена Россия вознаградить Княжество за участие в войне в качестве союзника и за возврат Южной Бессарабии, отозвали полковника Ариона, вполне выполнившего свою миссию, и не откликнулись на его предложение направить в Главную квартиру более значимую фигуру, чем он.

Воспоминания Игнатьева позволяют проследить за сложной дипломатической борьбой русских и турецких уполномоченных за столом переговоров. Возникает вопрос, смог бы полковник-артиллерист Э. Арион, не будучи профессионалом и оказавшись один на один с турками, справиться с поставленной задачей и отстоять немалые требования Румынии? На наш взгляд, ему это не удалось бы. Но предпринимая такую акцию – посылку своим представителем полковника Э. Ариона, Бухарест мог во всеуслышание

император всероссийский соглашается заменить уплату большей части исчисленных в предыдущем параграфе сумм следующими территориальными уступками: а) Тульчинский санджак, то есть уезды (казы): Килии, Сулины, Махмудие, Исакчи, Тульчи, Мачина, Бабадага, Гирсова, Кюстендже и Меджидие, а равно острова Дельты и Змеиный остров. Не желая присоединять себе означенной территории и островов Дельты, Россия предоставляет себе променять их на отчужденную от нее трактатом 1856 года часть Бессарабии, граничащую с юга руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула» (Сборник договоров... С. 169–170). По Берлинскому трактату 1878 г. (статья XLV) идея территориального обмена между Румынией и Россией была устранена, и в результате вышло, что Княжество «уступает обратно е. в. императору всероссийскому часть Бессарабской территории». А в статье XLVI просто констатируется факт получения Румынией территорий, прежде входивших в состав Османской империи: «Острова, составляющие дельту Дуная, а также остров Змеиный, Тульчинский санджак, вмещающий округа (казы) Килию, Сулину, Махмудие, Исакчу, Тульчу, Мачин, Бабадаг, Гирсово, Кюстендже, Меджидие, присоединяются к Румынии. Княжество, кроме того, получает территорию, лежащую на юг от Добруджи до черты, начинающейся к востоку от Силистрии и оканчивающейся у Черного моря, к югу от Мангалии» (Сборник договоров... С. 201).

⁷⁷ Гросул В. Я. Бессарабия... С. 402.

заявлять о своих погранных правах и несправедливости со стороны России по отношению к союзнику по оружию, чтобы в дальнейшем иметь дополнительный аргумент и использовать данный факт в своих интересах. Недаром телеграмма полковника Ариона от 16 января из Адрианополя была помещена в приложении к «Меморандуму», представленному на Берлинском конгрессе, в качестве одного из доказательств нарушения прав Румынии как союзницы России: «Я уже сообщил вам телеграммой и письмом о том, что мне категорически отказано здесь в участии обсуждения перемирия и предварительных условий мира. Его высочество сказал мне, что это решение огорчает его, но что именно в Санкт-Петербурге нужно начинать наши переговоры. Сам великий князь получил условия, согласованные в Санкт-Петербурге»⁷⁸.

Нельзя не согласиться с В. Я. Гросулом в том, что все демарши румынского правительства были предназначены для введения в заблуждение общественного мнения и получения как можно бóльшей компенсации⁷⁹.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ).

Виноградов В. Н. Румыния в войне за независимость // История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: КРАСАНД, 2012. С. 288–298.

Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. С. 119–136.

Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. 360 с.

Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 624 с.

Герд Л. А. Секуляризация имений Восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х гг. и Россия // Вестник Православ-

⁷⁸ АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 96. Л. 96.

⁷⁹ Гросул В. Я. Бессарабия... С. 400.

ного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 7–34.

Гросул В. Я. Бессарабия в международных отношениях Нового времени. Кишинев: [б. и.], 2018. 475 с.

Ерундов Н. А. Секуляризация монастырской собственности в Объединенном княжестве Валахии и Молдавии при князе Александре Кузе (1859–1866) // Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 62–83.

Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма к Е. Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М.: РОССПЭН, 1999. 336 с.

Игнатъев Н. П. Сан-Стефано: Записки гр. Н. П. Игнатъева / с примеч. А. А. Башмакова и К. А. Губастова; [предисл.: А. Башмаков]. Пг.: тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 359 с.

Курганов Ф. А. Наброски и очерки по истории Румынской Церкви. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1899. 1048 с.

Нелидов А. И. К двадцатипятилетию освобождения Болгарии. Заключение перемирия в Адрианополе 19 января 1878 г. // Исторический вестник. 1903. Т. 91. № 1. С. 66–81.

Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Воен.-истор. комиссия Гл. штаба, 1913. Т. 9. Ч. 2. 555 с.

Освобождение Болгарии от турецкого ига / под ред. С. А. Никитина [и др.]. Т. 2. М.: Наука, 1964. 646 с.

Румыния в войне за независимость, 1877–1878 / И. Коман, ген.-полк. д-р К. Олтяну, акад. Ш. Паску [и др.]; ред. комис.: И. Коман [и др.]; Акад. наук СРР и др. Бухарест: Военное издательство, 1983. 365 с.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. 462 с.

Хевролина В. М. Восточный кризис 70-х годов XIX века // История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Академический проект; Парадигма, 2018. С. 180–221.

Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М.: Институт российской истории РАН, 2004. 334 с.

Чеобану А.-Б. Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II // Славяноведение. 2013. № 5. С. 61–68.

Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles 1-er (1866–1880). Deuxième édition. Bucarest: au siège de l'Institut pour l'étude de l'histoire universelle sous la direction de N. Iorga, 1938. 360 p.

Damé F. Histoire de la Roumanie contemporaine depuis l'avènement des princes indigènes jusqu'à nos jours (1822–1900). Paris: Félix Alcan, éditeur, 1900. 451 p.

Damean S.L. România și Congresul de Pace de la Berlin (1878). București: Mica Valahie, 2005. 389 p.

Documente privind istoria românilor: colecția Eudoxiu Hurmuzaki: seria a 3-a. Vol. VII. Rapoarte consulare și diplomatice austro-ungare din România (1877–1881) / Coordonatori: V. Spinei, I. Câdea. București; Brăila: Editura Academiei Române; Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2022. 700 p.

Iorga N. Introduction. Politique extérieure du roi Charles I-er, d’après les sources étrangères // Correspondance diplomatique romaine sous le roi Charles I-er (1866–1880). Deuxième édition. Bucarest: au siège de l’Institut pour l’étude de l’histoire universelle sous la direction de N. Iorga. 1938. P. III–XXXIX.

Jelavich B. Russia and the Reacquisition of Southern Bessarabia, 1875–1878 // Südost Forschungen. München, 1969. Band 28. S. 199–237.

Kellogg Fr. The road to Romanian Independence. West Lafayette, Ind.: Purdue University Press, 1995. 265 p.

Reminiscences of the King of Roumania, edited from the original with an introduction by Sidney Whitman. New York and London: Harper & Brothers, 1899. 367 p.

Scafeș C. I., Șerbănescu H. Vl., Andonie C. M., Scafeș I. I. Armata română în războiul de independență 1877–1878. București: Editura Sigma, 2002. 439 p.

References

Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles I-er (1866–1880). Deuxième édition. Bucarest: au siège de l’Institut pour l’étude de l’histoire universelle sous la direction de N. Iorga, 1938, 360 p.

Cheobanu, A.-B. “Rumynskie delegatsii na koronatsiiakh Aleksandra III i Nikolaia II.” *Slavianovedenie*, 2013, No 5, pp. 61–68.

Damean, S. L. *România și Congresul de Pace de la Berlin (1878)*. București: Mica Valahie, 2005, 389 p.

Documente privind istoria românilor: colecția Eudoxiu Hurmuzaki: seria a 3-a. Vol. VII. Rapoarte consulare și diplomatice austro-ungare din România (1877–1881), coordonatori: V. Spinei, I. Câdea. București – Brăila: Editura Academiei Române; Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2022, 700 p.

Brundov, N. A. “Sekuliarizatsiia monastyrskoj sobstvennosti v Ob’edinennom kniazhestve Valakhii i Moldavii pri kniaze Aleksandre Kuze (1859–1866).” *Khristianskoe chtenie*, 2014, No 2–3, pp. 62–83.

Gerd, L. A. “Sekuliarizatsiia imenii Vostochnykh monastyrei i tserkvei v Valakhii i Moldavii v nachale 1860-kh gg. i Rossiia.” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2014, No 6 (61), pp. 7–34.

Grosul, V. Ia. *Bessarabiia v mezhdunarodnykh otnosheniakh Novogo vremeni*. Kishiniov: [s.n.], 2018, 475 p.

Ignat'ev, N. P. *Pokhodnye pis'ma 1877 goda. Pis'ma k E. L. Ignat'evoi s balkanskogo teatra voennykh deistvii*. Moscow: ROSSPEN, 1999, 336 p.

Iorga, N. "Introduction. Politique extérieure du roi Charles I-er, d'après les sources étrangères." *Correspondance diplomatique romaine sous le roi Charles I-er (1866–1880)*. Deuxième édition. Bucarest: au siège de l'Institut pour l'étude de l'histoire universelle sous la direction de N. Iorga, 1938, pp. III–XXXIX.

Jelavich, B. "Russia and the Reacquisition of Southern Bessarabia, 1875–1878." *Südost Forschungen*, band 28. München, 1969, pp. 199–237.

Kellogg, Fr. *The road to Romanian Independence*. West Lafayette, Ind.: Purdue University Press, 1995, 265 p.

Khevrolina, V. M. *Rossiiskii diplomat graf Nikolai Pavlovich Ignat'ev*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2004, 334 p.

Khevrolina, V. M. "Vostochnyi krizis 70-kh godov XIX veka." *Istoriia vneshnei politiki Rossii*: in 5 Vols. Vol. 4. *Vtoraiia polovina XIX veka (Ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soiuz)*. Moscow: Akademicheskii projekt; Paradigma, 2018, pp. 180–221.

Osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga, ed. by S. A. Nikitin et al. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1964, 646 p.

Rumyniia v voine za nezavisimost', 1877–1878, ed. by I. Koman et al. Bukharest: Voennoje izdatel'stvo, 1983, 365 p.

Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoi literatury, 1952, 462 p.

Scafeș, C. I., Șerbănescu, H. VI., Andonie, C. M., Scafeș, I. I. *Armata română în războiul de independență 1877–1878*. București: Editura Sigma, 2002, 439 p.

Vinogradov, V. N. "Utrata i vozvrashchenie Iuzhnoi Bessarabii." Vinogradov, V. N., Ereshchenko, M. D., Semenova, L. E., Pokivailova, T. A. *Bessarabiia na perekrestke evropeiskoi diplomatii: Dokumenty i materialy*. Moscow: Indrik, 1996, pp. 119–136.

Vinogradov, V. N. "Rumyniia v voine za nezavisimost'." *Istoriia Balkan: Sud'bonosnoe dvadtsatiletije. (1856–1878 gg.)*, ed. by V. N. Vinogradov. Moscow: KRASAND, 2012, pp. 288–298.

Vinogradov, V. N., Ereshchenko, M. D., Semenova, L. E., Pokivailova, T. A. *Bessarabiia na perekrestke evropeiskoi diplomatii: Dokumenty i materialy*. Moscow: Indrik, 1996, 360 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.03

M. M. Frolova

The Mission of Colonel E. Arion and the San Stefano Peace Treaty, February 19 (March 3), 1878

Marina M. Frolova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Citation

Frolova M. M. The Mission of Colonel E. Arion and the San Stefano Peace Treaty, February 19 (March 3), 1878 // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 68–97 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.03

Received: 05.05.2025.

Revised: 02.09.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

This article, based on archival and published sources, reports on the mission of Romanian Colonel E. Arion, sent by Prince Carol to the Headquarters of the Commander-in-Chief of the Russian Army, Grand Duke Nikolai Nikolaevich. It examines the reasons for the Romanian representative's exclusion from the armistice negotiations with Turkey. The article provides detailed coverage of the negotiations conducted by Adjutant General Count N. P. Ignatiev in Bucharest on January 19–22, 1878, as well as talks with Turkish plenipotentiaries regarding the clauses of the peace treaty concerning the fate of Romania. Ignatiev was compelled to adjust the text of the peace treaty, as approved in St. Petersburg, to increase the territory exchanged for the three southern Bessarabian districts. Thanks to the negotiations with Count Ignatiev, the Romanian government learned of the articles of the future peace treaty planned by Russia, which is why it recalled its representative from Adrianople. However, sending colonel Arion to the headquarters of the Army of the Danube allowed Bucharest to declare that its rights were violated and the injustice on the part of Russia towards its ally in arms, in order to have an additional point to press in the future.

Keywords

Russo-Turkish War 1877–1878, Alexander II, Prince Charles, A. M. Gorchakov, I. Bratianu, M. Kogalniceanu, A. I. Nelidov, N. P. Ignatiev, E. Arion.